

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Книга 8

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Золотой фонд эзотерики

Конкордия Антарова

Две жизни. Книга 8

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Книга 8 / К. Е. Антарова — «Эксмо»,
1993 — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-04-242907-1

"Книга, которая зажигает сердца" - самый частый отзыв читателей не одного поколения любителей литературных открытий. В романе изложены основы философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека. Борьба добра и зла, магии, погони и преследования, интриги и любовь - этот роман вобрал в себя все, что пробуждает воображение и сознание. Главный герой не чародей из фэнтези, а ученик духовных Учителей Востока. Знания, которые он получает от них, принесут реальную практическую пользу каждому читателю.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242907-1

© Антарова К. Е., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

Глава 8	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Конкордия Антарова
Две жизни
Часть 4. Книга 2

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Глава 8

Подготовка населения оазиса к буре. Маяк. Страшная ночь бури

Мы немедленно пустились в путь, обогнули островок и прошли во вторую часть оазиса, которой я ещё не видел. По дороге мы миновали такие же тихие пальмовый и фруктовый сады, через какие вела нас на островок мать Анна, только здесь они были гуще и напоминали больше лес. Выйдя на поляну, мы увидели там ровные площадки, показавшиеся мне вначале утрамбованными. На самом же деле они оказались из матового стекла. Площадки предназначались для всевозможных игр детей и взрослых. Тут были сетки для игры в мяч, и крикет, и трапедии, и качели, и гигантские шаги – всего я даже не мог и взглядом окинуть.

В данную минуту на площадках двигалась только одна фигура старика, который собирал мячи и кегли и убирал их в большой сарай. Сарай, собственно, представлял собой чистенький, изящно выстроенный, беленький, с красивым орнаментом домик, такой очаровательный, что немало европейцев пожелало бы жить в таком жилище.

И снова я подумал, *что* может сделать любовь человека для своих ближних и в какой красоте помогал Грегор матери Анне воспитывать своё племя. Как ураган пронеслись мои мысли: сколько лет живут у Раданды Грегор и Василион, сравнительно молодые люди? Каков их истинный возраст? Где здесь их завод? Голос Иллофиллиона вернул меня к сосредоточенности:

– Мы подходим. Не рассеивай своё внимание. Не так много времени прошло между бурей на Чёрном море и той песчаной бурей, которую тебе предстоит испытать сегодня. Но тогда ты был несведущим и слабым мальчиком, сегодня же ты взрослый и закалённый мужчина. Все мысли сосредоточь на той помощи, которую придётся оказывать людям сегодня. Думай неотступно о Флорентийце и проси Великую Мать благословить наш общий труд. Забудь о себе и обо всех вопросах, которые могли бы интересовать тебя лично. В великие минуты жизни, когда тысячи людей стоят перед лицом смерти или бедствий, надо выйти из всего условного и жить только Вечным, перед Ним складывать свой труд и Его спасать в формах временных, смертных.

Я глубоко вбирал в себя слова Иллофиллиона. Они будили мой дух, но что касается моего обычного внимания, то оно спало: я совсем не заметил, по каким дорожкам мы поворачивали теперь, хотя, когда старик сторож растолковал мне дорогу в столовую, я, казалось, её хорошо понял. Я вздохнул: хорош секретарь! Но времени для жалостных мыслей не было. Я постарался ещё глубже сосредоточиться и вошёл вслед за Иллофиллионом в большой двухэтажный, совершенно круглый дом.

Меня очень удивила эта форма дома. Зал, куда мы вошли, тоже был совсем круглым. Окна, вроде люков, были наверху, многочисленные, в данную минуту плотно закрытые. Под потолком вертелись веера, как в Общине Али, но как-то иначе устроенные. Вокруг всего зала шёл широчайший коридор, где помещались кухни и множество комнат. Мать Анна встретила нас у порога и проводила к своему столу, где было только три прибора.

Хотя в зале было множество столов, но всех обитателей оазиса эта комната не вмещала. Над нею, во втором этаже, был точно такой же зал, но много больше, и столов он вмещал больше, так как не имел опоясывающего коридора. Даже нижний зал был похож на огромный театр, и я представил себе, сколько же народа вмещал в себя верхний зал.

Усадив нас за свой стол, мать Анна рассадила всех наших друзей, поручив их заботам Грегора и Василиона – хозяев оазиса, как она выразилась. Возвратившись к нам, она тотчас же приказала подавать кушанья. По ее знаку много молодых девушек и юношей стали передавать

на столы подаваемые им из окон-ниш коридора миски и блюда с едой. Другие, поставив еду на небольшие подъёмные машины, тянули веревки, переправляя её на второй этаж.

Первым блюдом оказалась превкусная похлёбка с большим количеством хрустящих пирожков. Того строгого молчания, какое царило в трапезной Общины Раданды, здесь не соблюдалось. Все, кому хотелось, разговаривали. Но разговаривали тихо, и того гула голосов, который раздавался в столовой Общины Али, тоже не было. Полную непринуждённость поведения я наблюдал за всеми столами. Но как здесь все были воспитанны и культурны! Атмосфера полного мира и удовлетворённости окружала нас со всех сторон.

Одеты все были сейчас совсем не так, как при первой встрече у ворот. На женщинах были платья самых разнообразных цветов, не достигавшие пола, но много ниже коленей, фасонов хотя и самых простых, но разнообразных. Старые женщины все были в тёмно-серых или коричневых платьях, почти все с длинными пелеринами. Мужчины были в блузах, сплетённых из шёлковых ниток, тоже самых разнообразных цветов. Панталоны на всех были тёмно-синие, застегивавшиеся под коленом. Ноги и у мужчин, и у женщин были очень красивые, почти у всех босые. Только немногие носили тот же род сандалий, что мы видели на привратниках у ворот.

Детей здесь вообще не было. Их жизнь шла в детских учреждениях, как мне ответила мать Анна на мой вопрос. Здесь были жители оазиса, достигшие пятнадцати лет, что считалось возрастом зрелости и давало право вступать через год в брак.

Вторым блюдом были поданы овощи в самых разнообразных сочетаниях, потом фрукты и горячее какао с вкусными сладкими финиковыми хлебцами.

Подтрунивая над моим аппетитом, Иллофиллион уговаривал меня есть как можно больше, так как потребность в моих физических силах будет очень большая. Я смеялся и с большим удовольствием старался следовать его совету.

Во время ужина я не мог не заметить многих восхищённых взглядов, обращённых на Иллофиллиона и на мать Анну. Она, очевидно, была не только душой, но и божеством своего оазиса. А сегодня, в новом платье, она привлекала к себе всеобщее внимание и вызывала восторг. Покончив с едой, мать Анна встала и заговорила своим необычайным музыкальным голосом.

Её голос точно был сигналом. Люди бесшумно передали через окна-ниши большую часть столов в коридор, а образовавшееся пустое пространство заняли жители, спустившиеся с верхнего этажа, где они ужинали. Быстро, без суеты, точно перемена театральной декорации, зал наполнился стоящими людьми, оставался только ряд ближайших к нам столиков, за которыми сидели старики.

– Братья и сёстры, только некоторые из вас видели великого нашего друга и всегдашнего милосердного помощника, Учителя Иллофиллиона, сейчас присутствующего среди нас. С тех пор, как мы живём здесь, с той минуты, как впервые привёз нас сюда Раданда, ни одно великое событие нашей жизни не проходило без помощи Светлого Братства. Время от времени Милосердные посылали нам того или иного из своих великих избранников, и они спасали нас или помогали нам проходить тяжёлые, а иногда и губительные моменты нашей жизни.

В царившей тишине, среди которой звучала музыка голоса матери Анны, пронёсся, как шелест ветра, взволнованный шёпот толпы, и снова воцарилась та же тишина. Я понял, что сердца присутствующих забились предчувствием какой-то скорби, и уста многих прошептали молитву. На меня же этот чарующий голос производил такое успокаивающее и укрепляющее воздействие, что, даже если бы мать Анна читала мне смертный приговор, я и тогда думал бы, вероятно, не об ожидавшем меня ужасе, а о силе очарования и Света, которые исходили от неё.

– Соберите всю силу вашего духа, всю отвагу сердца и докажите в эту минуту, когда будете слушать весть, принесённую Учителем Иллофиллионом, что не пропали труды, положенные ради вас Светлым Братством и Радандой, и что вы выросли в мужественный и храбрый

народ, готовый в любую минуту стойко встретить опасность и решительно её отразить. Мне нечего напоминать вам, мои любимые, о том беспрекословном повиновении, с которым надо выполнять все распоряжения Учителя Иллофиллиона. Слушайте с вниманием, чтобы *точно* выполнить всё, им указанное.

Мать Анна поклонилась Иллофиллиону и попросила его передать присутствующим принесённую им весть.

– Милые мои друзья! В эту минуту ваши сердца сжались предчувствием бедствия. Но взгляните на вашу мать, на вашу воспитательницу и руководительницу. Разве вы заметили в ней волнение или тревогу? Видите ли вы в её лице какие-либо признаки потрясения, если даже вам и всему оазису угрожает бедствие? Сегодня в её жизни великий день. Светлое Братство прислало ей новое одеяние, такое, какое носят все его посвящённые наставники, признанные достойными стать в ряды руководящих братьев всей Светлой Общины мира. Вы больше не видите на её платье чёрных полос, напоминавших о смирении, о путнике тайной Общины, откуда вышла мать – родоначальница вашего племени. Теперь на её платье – золотое шитьё, рисунок которого символизирует объединение в одну семью всех людей мира, отдавших жизнь труду для блага людей. Ваша мать, имени которой вы до сих пор не знали, с нынешнего дня становится для вас матерью Анной, что значит «благодать». Сегодня этим именем окрестило вашу наставницу Светлое Братство. Не для того Братство послало вам в её лице благодать, чтобы на вас, её детей, и на ваше дело обрушилась гибель. Она вас вырастила и воспитала не для гибели.

Нам придётся бороться с грозой стихий: на ваш оазис надвигается песчаная буря такой силы, какой не припомнят, пожалуй, даже самые старые члены вашего племени. Послезавтра, когда буря утихнет и опасность минует ваш оазис, я поговорю с вами о задачах вашего племени в жизни современного вам мира. Сегодня же я призываю вас к героическому напряжению всех ваших чувств и мыслей. Не раз говорила вам мать Анна, что жизнь есть борьба. Она собственным примером учила вас выносливости, настойчивости и полному самообладанию в борьбе за жизнь. Пришёл *ваш* час показать на деле, как вы умеете защищать вашу родину и дело вашей матери. Это великий и благословенный для вас час: забыть о себе, о страхе и муках и принести спасение многим путникам, которые будут сегодня застигнуты бурей недалеко от вашего оазиса. Готовьтесь, счастливые братья, к жертвенному труду спасения своего оазиса и своих ближних за стенами его.

Разбейтесь, женщины и мужчины, начиная с шестнадцати и до тридцати лет, на десятки и выберите себе старшину в каждом десятке. Заботу о детях, слабых и больных женщинах, не входящих в этот возраст, возьмут на себя мои спутники. Они получают точные указания, как им работать. Мужчины старше тридцати лет будут охранять сады и животных. Грегор и Василион будут спасать завод, так как буря сильнее всего обрушится на восточную часть оазиса. Ездовых животных немедленно соберите в конюшни и стойла. Собак не оставляйте под открытым небом, так как в сегодняшнюю бурю они будут бесполезны для поиска гибнущих в пустыне, стихии их убьют. Когда для их работы настанет час, вы получите указание их выпустить. Люди, ухаживающие за животными, должны запереться вместе с ними в их помещениях уже сейчас и рассыпать на полу листья того растения, которое я им дам. Животные крепко заснут, и это не позволит им прийти в бешенство от шума бури.

Залы трапезной вы должны сейчас же освободить и принести сюда циновок, подстилок и подушек. Назначьте сотню людей, сильных и ловких, для дежурства в обоих залах. Сюда будут приносить спасённых во время бури. Через час я снова приду сюда – пусть все выбранные старшины десятков соберутся здесь.

Иллофиллион велел Грегору и Василиону идти сейчас же на завод и дал им все указания, как поступать со зданиями и машинами, сказав им отобрать себе человек двести для помощи во всех плохо защищённых местах завода. Он дал каждому из них по пузырьку жидкости,

назначение которой объяснил только им. Грегору он дал ещё небольшую палочку в руки, которую тот принял с большой осторожностью и благоговением, опустившись на колени.

Затем вместе с матерью Анной Иллофиллион развёл всех наших друзей по указанным им для ночного дежурства местам. Последними он оставил у ворот Яссу, Бронского и Игоро с несколькими десятками туземных великанов-силачей, велев Яссе одеть всех в сплошное тёплое трико, которое ему дадут в кладовой матери Анны.

– Там же возьми и шлемы с небьющимися стёклами для глаз, иначе вы все ослепнете. Перчатки пришиты к рукавам трико, а сапоги вам придётся научить здешних людей надевать. Они о них и понятия не имеют, – улыбнулась мать Анна.

Пока мы обходили те дома, где оставались дежурить Наталия Владимировна, Ольденкотт и Слава и где Иллофиллион и мать Анна отдавали последние приказания, прошло больше часа. В атмосфере ничем ещё не выразалось приближение той грозной бури, к которой так лихорадочно готовился оазис. Всюду бегали садовники и привязывали к большущим кольцам, ввинченным глубоко в землю, какие-то плотные чехлы, которыми они покрывали особенно ценные плодовые и пальмовые деревья и цветы.

Возвратившись в обеденный зал, мы встретили там большую группу ждавших нас людей – старшин десятков, которым Иллофиллион велел собраться. Поручив каждому из них для контроля различные пункты оазиса, Иллофиллион ещё раз повторил, чтобы ничто живое не оставалось вне укрытия и чтобы все старшины сейчас же заперлись со всеми обитателями оазиса, которые им поручены, в назначенных домах. Он напомнил старшинам, что необходимо проверить количество воды, заготовленной в домах, помещениях для животных и оранжереях, и выделил особые группы для охраны водопровода и машин, дававших свет.

Только теперь я обратил внимание на освещение зала. Свет сосредоточивался в лампах, похожих на лампы в оазисе Дартана, только там он был ярко-белым, а здесь – голубым. Но времени для этих наблюдений не было, я твёрдо помнил наставление Иллофиллиона и не рассеивал внимания. Вскоре Иллофиллион простился со всеми, благословив их на успешный и усердный труд, и, выходя, сказал мне:

– Теперь начинается наша часть работы. Пойдём к воротам.

И мы направились к выходу из оазиса. Здесь Иллофиллион проверил всех, подчинённых на эту ночь Яссе, и ещё раз подтвердил им задания. Он не упустил ничего, вплоть до сигнальных знаков, которые будут подаваться с маяка им в сторожки. Объяснил, как надо будет готовиться к выходу к воротам, как открывать, чтобы буря их не сорвала, как и куда вводить караваны или их отбившиеся части, куда направлять спасённых людей.

Простившись с Яссой и его подчинёнными, мы вошли в гущу зелёной стены, и только теперь я увидел в её непроходимой толще круглую башню, выстроенную из зелёного стекла невероятной толщины. Размеров её я сообразить не мог, но понял, почему в маскировавшей её зелени я не видел этой башни, въезжая в оазис.

Мать Анна повернула какой-то руль, башня засветилась внутри, и я увидел, что она – колоссальная не только вширь, но и вверх – вздымалась выше живой зелёной стены. Отойдя на шаг вправо, мать Анна нажала ещё какую-то едва заметную кнопку, и послышался играющий звук пружины, точно что-то с силой и звоном отскочило в сторону, и через несколько минут между землёй и плитами башни стала образовываться щель. Плита из стекла, толстая, точно целая скала, плотно прилегавшая к соседним слоям башни, медленно поползла вверх. Не дойдя и до половины высоты человеческого роста, она остановилась, пружина снова издала точно такой же звук, как в начале подъёма плиты. Мать Анна хотела вторично нажать пружину, но Иллофиллион остановил её.

– Времени терять не приходится. Проползём в эту щель, уже пора подавать сигналы набата и света, чтобы сюда поспешили не догадывающиеся о приближении бури путники.

И действительно, внезапно один за другим пронеслись два порыва ветра, от которых зашумели и задрожали все деревья оазиса. В воздухе пронеслись вой и пыль, точно пролетела тёмная стая зловещих ведьм. Мы проползли в щель, мать Анна нажала пружину с внутренней стороны, стекло-камень поползло вниз, и через несколько минут мы очутились в таком мёртвом молчании, точно мы были в могильном склепе в глубине земли. Иллофиллион стал подниматься по лестнице, довольно широкой, винтовой, сделанной из белого стекла, как чашки Грегора. Лестница чудесно сверкала, точно чисто вытертые фарфоровые тарелки, над нею вились круглые поручни такого же зелёного цвета, как сама матовая башня.

Я насчитал сто семьдесят ступеней, а мы всё ещё не были на самом верху. Оставалось пройти ещё два пролёта. Каждый пролёт имел небольшую площадку, и кверху башня не суживалась. На каждой площадке был кран с водой и маленький бассейн. Мать Анна на всех площадках открывала краны, и вода бежала не только из самого крана, но и из нескольких тонких труб, сплошь в дырочках, сбегая в бассейны, а оттуда, переполняя их, в землю. Только потом я понял, как благодатна была для нас прохлада этой воды, спасавшей нас от удушливого жара раскалённого песком воздуха. Хотя стекло и не пропускало жару внутрь, но сами стены башни с внешней стороны накалялись, как утюг. Бежавшая сверху донизу вода наполняла относительной прохладой наше заключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.